

Тун Цинхэ сегодня много плакал, то и дело роняя слезы, и боялся опозориться перед Цзян Шаочжи. Когда они поднялись вверх, он уткнулся лицом в плечо Цзян Шаочжи. В палате Цзян Шаочжи опустил его, взял руки, закрывавшие лицо, и притянул к себе. Тун Цинхэ запаниковал и попытался увернуться. Его заостренный подбородок оказался зафиксирован в руке Цзян Шаочжи. Он хрипло проговорил:

— Не смотри...

Он неуклюже объяснил:

— Я не хотел плакать, честно.

Цзян Шаочжи гладил его уголки глаз:

— Красный, как кролик.

— Почему плачешь?

Тун Цинхэ выглядел опечаленным:

— Я такой бесполезный, меня все время защищают. Сначала сестра, теперь ты. — Он скривил лицо. — Я же вышла замуж за тебя, а сестра все еще за меня волнуется.

Цзян Шаочжи промолчал, услышав это. Он хотел сказать Тун Цинхэ, что в нем нет ничего плохого, но знал, что это, скорее всего, заденет его гордость.

— Спи, — Цзян Шаочжи уговаривал его уснуть. Всего за несколько дней с момента происшествия, Тун Цинхэ был эмоционально нестабилен. Ему приходилось регулярно проходить очистку. Несмотря на присутствие Цзян Шаочжи, он похудел так, что можно было прощупать ребра. Он мало ел и только с помощью Цзян Шаочжи заканчивал трапезу.

Вечером он съел довольно много. Цзян Шаочжи массировал живот Тун Цинхэ, словно животик котенка. Его грубая ладонь с мозолями терлась о нежную кожу. Тун Цинхэ закрыл глаза от удовольствия. Через несколько секунд мягкое, пушистое прикосновение коснулось его щеки. Он повернул голову и увидел малыша-коалу, которое открыло свои черные круглые глаза и пискнуло ему. Телосложение коалы немного увеличилось, и оно могло полностью поместиться в его ладони.

Цзян Шаочжи погладил малыша-коалу по голове. Коала обхватило его руку, слегка покачиваясь, когда он массировал живот Тун Цинхэ.

Малыш-коала проголодалось и издало тихий писк. Цзян Шаочжи связался с людьми снаружи, и свежие листья тут же были доставлены в лапки коалы. Оно жевало листья и посматривало на Цзян Шаочжи.

Когда малыш-коала насытилось, Цзян Шаочжи массировал животы им обоим.

Тун Цинхэ медленно заснул, и малыш-коала тоже.

Поздней ночью Тун Цинхэ проснулся и первым делом стал искать Цзян Шаочжи. Палата была люксом с гостиной и ванной. Он не нашел его ни в гостиной, ни на балконе. Ванная была пуста. Собственное отражение в зеркале напоминало заблудшего ягненка. Без Цзян Шаочжи он чувствовал тревогу.

Он нахмурился, зачерпнул холодной воды и плеснул себе в лицо, убеждая себя не цепляться за альфу. Со временем это могло доставить ему массу проблем.

Но он не мог не чувствовать разочарования и тоски, не найдя своего альфу. Он вздрогнул, вернулся под одеяло, свернувшись в клубок в ногах кровати. Коммуникатор лежал на столе, и он мог дотянуться до него.

Тун Цинхэ решил не звонить. Он призвал малыша-коалу и положил его себе на грудь. Движение за дверью раздалось только под утро.

Цзян Шаочжи вошел в комнату и увидел Тун Цинхэ с сонными глазами, слегка покрасневшими, словно он не спал пол ночи. Лицо его тут же стало холодным. Он подошел и откинул одеяло, в которое завернулся Тун Цинхэ:

— Ждал меня?

Тун Цинхэ прижался к Цзян Шаочжи. За последние несколько дней альфа проспал не более десяти часов. Даже железное тело не выдержит такого истощения. Однако, кроме легких кругов под глазами и более холодного, неприступного выражения лица, Цзян Шаочжи выглядел как обычно.

Тун Цинхэ проглотил зевок:

— Ждал тебя, чтобы поспать вместе.

— В следующий раз так не делай, — Цзян Шаочжи уложил его обратно в кровать, не испытывая ни малейшего восторга от того, что омега его ждал. Ему не нравилось, что Тун Цинхэ вредит себе. Его тон был довольно холодным.

Видя, что Цзян Шаочжи не собирается его утешать, Тун Цинхэ медленно закрыл глаза:

— Прости...

Цзян Шаочжи сначала пошел в ванную, чтобы быстро принять горячий душ. Вернувшись с улицы, он был пропитан осенним холодом. Избавившись от холода, он вернулся к кровати и

притянул к себе человека, лежавшего спиной к нему. Тун Цинхэ не двигался. Он потрогал его глаза и почувствовал влагу.

Цзян Шаочжи осторожно повернул лицо Тун Цинхэ к себе. Холодность на его лице мгновенно исчезла.

Тун Цинхэ, едва начав плакать, тут же поспешил вытереть слезы рукой, объясняя Цзян Шаочжи:

— Я сам не понимаю, что со мной.

Его сердце внезапно сжалось. После укуса лекарственного человека Цзян Шаочжи не спал ночами, разрываясь между заботой о нем и работой. Сестра не рассказывала ему о том, что случилось с ней много лет назад. Тун Цинхэ был так встревожен, что не мог найти себе места. Он уткнулся в плечо альфы, не говоря ни слова. Постепенно нарастающий жар сквозь одежду передавался Цзян Шаочжи. В комнате, наполненной слабым цветочным ароматом, усилился запах феромонов.

Тун Цинхэ подсознательно крепко обнял руку Цзян Шаочжи. Ему становилось плохо, но он не говорил об этом.

Получив сигнал о начале возбуждения, Цзян Шаочжи поцеловал железу на шее Тун Цинхэ. Он терпеливо и аккуратно успокаивал его, не отрывая глаз от его выражения лица.

Тун Цинхэ впервые проявил сопротивление. Он всегда слишком погружался в утешения альфы, но на этот раз все было иначе. Он сжал руки и ноги, не раскрываясь для Цзян Шаочжи. На его бледном лбу выступили капельки пота. Он прикусил губу, закрыв глаза и не глядя на мрачнейшее лицо Цзян Шаочжи.

Его омега сопротивлялся ему, отвергая его утешения.

Цзян Шаочжи усилил концентрацию феромонов, используя немного принуждения, чтобы заставить Тун Цинхэ пассивно принять его.

— Тунтун, почему ты меня отвергаешь?

Цзян Шаочжи совершенно не мог понять мысли и действия омеги. Тун Цинхэ явно был в жару. Предтечковое возбуждение не означало, что омега обязательно войдет в течку, но это был неизбежный симптом предтечкового состояния.

Независимо от того, будет течка или нет, в таком физиологическом состоянии утешение альфы, который его пометил, принесло бы облегчение. В этом плане, даже во время их первого совокупления, Тун Цинхэ был послушен, позволяя Цзян Шаочжи брать все, даже когда тот причинял ему боль. Но сегодня он подавал сигналы сопротивления.

— Тунтун, скажи мне, что случилось?

Столкнувшись с искушением и давлением Цзян Шаочжи, Тун Цинхэ открыл влажные глаза и с тоской сказал:

— Я хочу попробовать, смогу ли я сам пережить возбуждение.

Он тихо проговорил:

— Что я буду делать, если однажды тебя не окажется рядом?

Тун Цинхэ полностью осознал врожденную слабость омеги. Перед альфой у них не было выбора. Альфа становился незаменимым существом в их жизни. Более того, в важный период течки альфа мог справиться с ним благодаря своим превосходным физическим данным и силе воли. Омега, который пытался бы выдержать это в одиночку, потерял бы половину жизни.

Даже если он сейчас не хотел утешения альфы, Цзян Шаочжи мог заставить его принять это, используя феромоны.

Какая уж тут независимость? Если его с детства оберегал альфа, сможет ли он стать независимым? Тун Цинхэ был в печали и растерянности. Он крепко обнял Цзян Шаочжи за шею. Его глаза покраснели от слез, которые текли, сколько бы Цзян Шаочжи их ни вытирал.

Цзян Шаочжи обладал выдающимися боевыми способностями и умел использовать психологические изменения противника на поле боя, чтобы добиться цели. Он считал себя мастером чтения и использования человеческих эмоций, но сейчас, глядя на перемену в своем омеге, он не понимал.

Ни один альфа не испытывает врожденной неполноценности. Они — привилегированный вид. Эмоциональное непонимание сбивало Цзян Шаочжи с толку.

Они рождаются, чтобы быть деревьями, защищающими от ветра и дождя. Ни одно дерево не задается вопросом, почему оно дерево. А нежные повилики качаются под ветром и дождем. Они цепляются за большое дерево, чтобы расти. Привязанность — это их инстинкт.

Инстинктивная зависимость омег и их пол делают их чувствительными и склонными к тревоге. Большинство омег не могут быть повиликой, которая спокойно полагается на убежище.

— Тунтун.

Цзян Шаочжи поднял Тун Цинхэ, который был горячим, но покрылся холодным потом. В тот момент, когда сандал полностью рассеялся, Тун Цинхэ совершенно обмяк в его объятиях, тяжело дыша.

— Сначала отвезу тебя на осмотр в больницу, — Цзян Шаочжи беспокоился о Тун Цинхэ. Он взял одежду и быстро надел ее на него, взял толстые шерстяные носки и отнес его на диван, чтобы надеть обувь.

Он дал ему немного воды. Тун Цинхэ, все еще напуганный, покачал головой:

— Я не хочу.

Цзян Шаочжи не позволил ему отказаться. Даже если не говорить о том, что Тун Цинхэ еще не восстановился, Цзян Шаочжи хотел предотвратить любую, даже самую маленькую, неприятность.

Военный госпиталь получил сообщение от Цзян Шаочжи, и врач ждал их. Во время осмотра Тун Цинхэ, обняв одеяло, отказывался сотрудничать. Увидев его удрученный вид, врач сразу понял, в чем дело, и отвел Цзян Шаочжи в ванную, посоветовав отправить Тун Цинхэ к психотерапевту.

Цзян Шаочжи напрягся:

— К психотерапевту?

— Да, — доктор заметил недоверие в глазах Цзян Шаочжи и утешил его: — Не волнуйтесь, в наши дни это нормальное явление. В больницу каждый год обращается много омег, и их число растет. За омегами нелегко ухаживать. Не все, что вы ему даете, будет воспринято им как благо. Вы даете ему все, считая, что это для его блага, но с его личной точки зрения все может быть иначе.

Доктор был бетой и говорил от чистого сердца:

— Есть вещи, которые люди разного пола не могут понять. Это неразрешимая проблема. Можно только постепенно осознавать, уважать друг друга и быть внимательным, чтобы проявлять терпимость.

Цзян Шаочжи застрял в своей мысли, что он был невнимателен к Тун Цинхэ и недостаточно хорош для него.

Через щель в двери он увидел тонкую, одинокую спину, сидящую на стуле. Цзян Шаочжи впервые испытал настоящее чувство беспомощности. Он подошел и обнял Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи сказал:

— Тунтун, сначала я отведу тебя поговорить с одним дядей.

Когда Тун Цинхэ увидел табличку «Психотерапия» на двери, он сжал губы:

— Дядя, отпусти меня. Я сам зайду.

Тун Цинхэ сказал:

— Я не против посещения врача. Если болен, нужно лечиться. Когда я поправлюсь, возможно, перестану накручивать себя.

Прежде чем открыть дверь, он специально разгладил складку на лбу Цзян Шаочжи:

— Не хмурься.

<http://bllate.org/book/4/118>